

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА
ЖАННА Д'АРК

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Жанна д'Арк / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 136 с.

ISBN 978-5-521-78911-5

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

Последняя часть трилогии «Лица святых от Иисуса к нам» — «Жанна д'Арк» — удивительная книга, совмещающая в себе беллетризованную биографию и исторический роман с религиозно-философской проблематикой, главной темой которой является выявление путей развития Христианства и всего человечества. Обращаясь к образу национальной героини Франции, символу спасения Европы в бездне страшной Столетней войны, Мережковский описывает страшную картину современной ему действительности: победу тоталитаризма и атеизма, первые проблески войны...

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78911-5

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. СВ. ЖАННА И ТРЕТЬЕ ЦАРСТВО ДУХА	5
II. ЖИЗНЬ СВ. ЖАННЫ Д'АРК	32

I. СВ. ЖАННА И ТРЕТЬЕ ЦАРСТВО ДУХА

Sancta Iohanna, ora Deum pro nobis!

Святая Жанна, моли Бога за нас!

Это говорят сейчас в христианской некогда, а теперь уже давно от Христа отступившей, хуже, чем языческой, — религиозно не существующей Франции, может быть, многие, но бессильные, потому что одинокие, никаким религиозно-общим, судьбы страны решающим действием не соединенные, верующие люди; или даже не говорят, а только шепчут, каждый про себя, чуть слышным тайным шепотом. Скажет ли это когда-нибудь снова христианская, ко Христу вернувшаяся Франция, внятно, громко, так, чтобы услышал весь мир? «Скажет», — отвечают одни, может быть, слишком легко, потому что слишком этого хотят; а другие так же легко отвечают: «Не скажет», может быть, тоже потому, что этого слишком не хотят. Но не лучше ли было бы для тех и других, прежде чем ответить на этот вопрос, глубже над ним задуматься, чтоб не услышать и тем и другим одного приговора: «ты взвешен на весах и найден очень легким»; глубже задуматься и, может быть, почувствовать всю грозную тяжесть вопроса не только для одной Франции, но и для всего христианского мира, потому что если Жанна действительно святая не одной из двух Церквей, Западной, а единой Церкви Вселенской, то она принадлежит всему христианскому миру; и еще потому, что если Жанна действительно спасла Францию, то спас-

ла и Европу, так как в XX веке еще несомненное, чем в XV, что Европы нет без Франции и что спастись или погибнуть этой части Европейского тела — значит и всему телу погибнуть или спастись.

II

Две святые: первая — бывшей, христианской, вторая — настоящей, от Христа отступившей, и, может быть, будущей, снова ко Христу вернувшейся Франции — св. Жанна д'Арк и св. Тереза Лизьёская. Та не похожа на эту, как XV век на XIX.

Всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле, — могла бы сказать и Жанна, как Тереза. В этом для них обоих главном и все в их святости решающем, сказанном Терезой и молча сделанном Жанной так, как, может быть, никто из святых никогда не говорил и не делал, — в этом они больше чем друг на друга похожи — они как бы в двух телах, двух Франциях, бывшей и будущей, одна душа.

Истинную душу свою потерять — значит для народа так же, как для человека, погибнуть, а найти — значит спастись. Пять веков, отделяющих Жанну от Терезы, бывшую христианскую Францию от настоящей, религиозно не существующей, — все эти пять веков великой потери души, может быть, ничего другого не делала Франция, как только того, что потерянной души своей искала. Найдет ли, спасется, или не найдет, погибнет, — не будем отвечать и на этот слишком тяжелый вопрос слишком легко; прежде чем ответить, вспомним, как дважды на него уже ответила во време-

ни и все еще, может быть, отвечает в вечности одна душа в двух телах: св. Жанна — св. Тереза. В этих только двух отвечает она так внятно для нас, близко к нам, как, может быть, больше ни в ком из святых: всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле.

Путь всех святых — от земли к небу, от этого мира к тому; только у этих двух — обратный путь: от неба к земле, от того мира к этому. «Царство Мое не от мира сего» — это поняли св. Тереза и св. Жанна совсем не так, противоположно тому, как поняли почти все прочие святые, кроме ближайших учеников Господних. «Ныне царство Мое (еще) не от мира сего» — в мир еще не пришло, но уже идет и будет в мире; «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» — это обе они сказали и сделали уже во времени и все еще, может быть, говорят и делают в вечности.

Не потому ли от Церкви уходящий мир узнал и полюбил их обеих раньше, чем от мира ушедшая Церковь? «Мира Дитя Любимое», *L'Enfant Cherie du Monde*, — этим именем Терезы можно бы назвать и Жанну. Обе любят «мир, лежащий во зле», и миром любимы обе, как, может быть, никто из святых.

III

Мира не покинули обе в крайнем зле его — войне. В первой войне, едва не погубившей Францию, а с ней и всего христианского мира — все потому же, потому что мира нет без Франции, — родилась Жанна; а Тереза — до начала второй войны, большей, ближе еще приведшей весь христианский мир к самому краю гибели; до начала

войны внешней родилась Тереза, а внутренне война уже началась для нее — как бы с нею уже родилась.

Жанна двумя мечами сражалась — духовным и вещественным; только одним духовным — Тереза, но так же бесстрашно и в таком же смертном бою, как Жанна.

«В детстве мечтала я сражаться на бранных полях. Помню, когда я училась французской истории, подвиги Жанны д'Арк восхищали меня... Быть, как она, мечтала я и чувствовала в себе достаточно для этого силы. Мне казалось, что Бог избрал и меня для таких же великих дел, как Жанну». — «Ты, Господи, сказал: „Не мир пришел Я принести, но меч“. Дай же мне Твой меч, вооружи на войну! „Надо сражаться, чтоб Господь даровал нам победу“, — сказала Дева Жанна, невеста Твоя. Так же, как она, буду и я сражаться до конца жизни моей за Тебя, Иисус!»

Вещий сон приснился ей, умирающей: будто бы не хватает солдат для какой-то великой войны. «Надо послать сестру Терезу», — говорит кто-то. «Лучше бы я хотела пойти на святую войну!» — отвечает она, но все не идет и на эту войну, грешную. «О, если бы мне в Крестовом походе сражаться!» — воскликнула, вспоминая тот сон, и, помолчав, заплакала: «Да неужели же я так и умру на постели?».

Вещий сон исполнится с точностью: послана будет Тереза на войну, сначала самую грешную, а потом — на самую святую — в последний будущий Крестовый поход, вместе с Жанной: обе — Крестоносицы, именно в той стране, откуда начался первый Крестовый поход за три века до св. Жанны и за восемь веков до св. Терезы.

Кто спас Францию в первой, едва ее не погубившей войне XV века, знают все — Жанна; а кто спас ее во второй войне XX века, знают, может быть, только «маленькой Сестры Терезы, Девы Окопов», маленькие братья, солдаты Великой войны. Первые молитвы шептались ей там, в огне и крови; святости первым венцом увенчано «мира Дитя любимое» там, в миру. «Надо бы нам поторопиться, чтобы голос народов нас не предупредил», — говорили сановники Римской церкви, когда зашла речь о признании Терезы святой. Но как ни торопились — не успели: голосом мира предупрежден был голос Церкви.

Первый певец Жанны, одна из первых жертв Великой войны, Шарль Пэги, писавший «Таинство любви Жанны д'Арк» в те самые дни (1898 г.), когда умирающей Терезе, будущей «святой Деве Окопов», снился вещий сон о войне, — не успел, но мог бы узнать, как никто, в этих двух святых, Жанне и Терезе, одну святую душу Франции.

IV

«Жанна, смерть твоя спасает Францию», — молится Тереза, живя и умирая в вещем сне. Францию не только спасла, но и спасает смерть Жанны.

Снова приди, спаси!

Кажется, теперь, в XX веке, спасение еще труднее и требует если не большей, то уже совсем другой, новой святости, чем тогда, в XV веке. Если бы Жанна пришла сейчас, то около нее началась бы, может быть, внутренняя война между самими французами, более жестокая, чем та, с англичанами, внешняя, от которой едва не погибла Франция.

В той войне французы прозвали англичан «Годонами», Godons, за вечную брань с хулой на имя Божие: «God damn», а также — «Хвостатыми», Souès, за то, что мучили они французов в их же собственной земле, как дьяволы в аду мучают грешников. Чувство суеверного ужаса, которым внушены эти два прозвища, слишком понятно: нечто в самом деле небывалое за память христианского человечества происходило в этой войне-нашествии — убийство одного народа другим, в мертвом молчании всего христианского мира и Церкви.

«Люди с хвостами» кажутся нам нелепым вымыслом Средних веков; но слишком памятен и нам ужас Великой войны — земного ада, где человек человеку был дьяволом, чтоб не задуматься, нет ли чего-то действительного в религиозном опыте христианства, олицетворяющем крайнее в человеке, нечеловеческое зло, в образе ада и дьявола.

Первое нашествие Годонов, Хвостатых, на Францию — только детская игра по сравнению со вторым нашествием — Великой войной. Кончилась как будто война, а на самом деле, может быть, продолжается, и кажущийся мир — только перемирие накануне второй войны, величайшей и последней, потому и воевать было бы некому в третьей.

Между старыми и новыми Годонами разница та, что нашествие тех было внешнее, а этих — внутреннее; те были чужие, а эти — свои; те были народом, а эти всемирны, или, говоря о гнусном деле гнусным словом, «интернациональны»; тех были десятки тысяч — горсточка, а этих — миллионы, и с каждым днем плодятся они и множатся так, что кажется иногда, что скоро со-